

Д ж о н
Р ё с к и н

ПОСЛЕДНЕМУ, ЧТО И ПЕРВОМУ

UNTO THIS LAST

Четыре
очерка основных
принципов
политической
экономики

Textmedia

2016

Москва

Джон Рёскин
Последнему, что и
первому. Четыре очерка
основных принципов
политической экономики

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22215990

Д. Рёскин. Последнему, что и первому. Четыре очерка основных принципов политической экономики: ИП Гусев Л. Е.; Москва; 2016

ISBN 978-5-903788-44-6

Аннотация

Джон Рёскин – английский писатель, художник, теоретик искусства, литературный критик и поэт. Выход книги «Последнему что и первому» (Unto This Last, 1860) знаменует изменение интересов Джона Рёскина от искусствоведения к области социальных преобразований.

Содержание

Предисловие	7
Очерк I. Основы чести	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джон Рёскин
Последнему, что и
первому. Четыре очерка
основных принципов
политической экономики

John Ruskin

Unto This Last

© Текст. Джон Рёскин

© Перевод с английского. Л. П. Никифоров.

© Издание, оформление. ИП Гусев Л. Е. Москва. 2016

* * *

Предисловие

Друг! Я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и поиди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе.
Мат. 20. 13–14.

Если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет, – не давайте; и они отвесят в уплату Мне тридцать сребреников.
Книга пророка Захарии 11. 12.

1

Четыре очерка напечатаны полтора года тому назад в Cornhill Magazine и, насколько мне известно, встречены были крайне неодобрительно большинством читателей, которым они попались на глаза.

Тем не менее я по-прежнему остаюсь в уверенности, что они представляют лучшее, т. е. самое справедливое и полезное из всего написанного мною, и что лучше последнего очерка, стоившего особенного труда, мне едва ли удастся что-либо написать.

«Очень может быть, – заметит читатель, – но из этого не следует, что они написаны хорошо». Допуская это без всяко-

го ложного смирения, я, тем не менее, вполне доволен этими очерками, хотя не могу сказать того же относительно всех остальных моих работ. Предполагая, если будет свободное время, заняться дальнейшей разработкой вопросов, затронутых в этих очерках, я желаю, чтобы предварительные понятия были доступны всем интересующимся, и потому перепечатаваю их в том виде, в каком они впервые появились.

Одно только слово переменено в определении ценности и ни одного не прибавлено¹.

2

Хотя я не считаю нужным ничего изменять в этих очерках, тем не менее очень жалею, что наиболее выдающееся в них положение относительно необходимости организации труда и установления твердо определенной платы встречается в первом очерке, и притом в форме, по определенности далеко не соответствующей его важности. Главная цель и все значение этих очерков состоят в том, чтоб впервые, насколько мне известно, дать на понятном английском языке – подобно тому, как это случайно давалось Платоном и Ксенофонтом на хорошем греческом, а Цицероном и Гораци-

¹ *Примечание ко 2-му изданию.* Я сделал небольшое дополнение к заметке в предисловии и считаю нужным буквально перепечатать и сделать его по возможности доступным для всех как наиболее ценное по своему содержанию из всего, когда-либо мною написанного.

ем на хорошем латинском – логическое определение «богатства», безусловно, необходимое как основа экономической науки. Наиболее известные очерки по этому вопросу, из числа появившихся за последнее время, начинают с утверждения, что предмет политической экономии есть учет или исследование о природе богатства², и вслед за тем говорят, что «каждый имеет достаточно правильное общее понятие о том, что разумеется под словом богатство, и что предлагаемые очерки не имеют своей целью признавать метафизическую необходимость такого определения»³.

3

В метафизической необходимости мы, конечно, не нуждаемся, но логическая точность по отношению к физическому предмету, безусловно, нужна. Представьте себе, что предмет вашего исследования не закон хозяйства (экономия – *Oikonomia*), а закон звезд (астрономия – *Astronomia*), и что, игнорируя различие между подвижными и неподвижными звездами, как здесь между лучистым и отраженным богатством, ученый начинает свое исследование такими словами: «Каждый обладает довольно правильным общеприня-

² Очевидное противоречие: где необходимо исследование, там учения еще не существует.

³ Принципы политической экономии Д. С. Милля. Предварительные замечания, стр. 3, пер. Остроградской.

тым понятием о том, что разумеется под словом «звезда». Метафизическая необходимость определения звезды не есть предмет настоящего исследования». И, однако, очерк, начинающийся с такого заявления, может быть гораздо более вреден в своих заключительных выводах и в тысячу раз более полезен для моряков, чем для экономистов любой трактат по политической экономии, основывающей свои выводы на общепринятом понятии о богатстве.

4

Поэтому в этих очерках я предполагаю прежде всего дать точное и твердо установленное определение понятия о богатстве, а затем показать, что приобретение богатства в конце концов возможно только при известных нравственных условиях в обществе, из которых на первом плане стоит уверенность в существовании честности и в ее громадном значении даже для практических целей.

Не решаясь утверждать, – так как в подобных вопросах человеческое суждение не может быть решительным, – какое из всех Божьих творений самое благородное и какое нет, мы можем однако же признать, как и Поп, что честный человек принадлежит к числу лучших созданий Божьих и, при современном порядке вещей, к числу довольно редких, хотя и не представляющих какого-нибудь невероятного чуда. Тем более естественно признать, что честность не является фак-

тором, нарушающим обычный ход экономической жизни, а представляет собой силу, постоянно ее направляющую, повинуясь которой, а не какой-либо другой, орбита ее может все более выступать из бесформенного хаоса.

5

Правда, мне приходилось иногда слышать порицание Попа за то, что его мерило слишком низко, но никогда не случилось слышать упрека в том, что мерило это слишком высоко: «Честность действительно очень почтенная добродетель, но человек может достигнуть и гораздо более возвышенного. Неужели от нас будут требовать только, чтоб мы были честны?». Пока, друзья, только этого. Мы в наших мечтах о чем-то более возвышенном, чем честность, лишились, по видимому, даже понимания свойств ее, лишились веры и во многое другое, о чем здесь не будет речи. Но на то обстоятельство, что мы, безусловно, лишились веры в общую честность и ее деятельную силу, здесь необходимо обратить внимание, и первая наша обязанность должна состоять в восстановлении и сохранении этой веры и тех фактов, которые могут лечь в ее основу. Мы должны не только предполагать, но убедиться на опыте, что и теперь существуют в мире люди, которых от обмана удерживают чувства, не имеющие ни-

чего общего с опасением лишиться занятия или работы⁴, и что именно в точном соответствии с числом таких людей в государстве это последнее только и может существовать. И вот рассмотрению этих вопросов и посвящены предлагаемые очерки. Вопрос об организации труда затрагивается в них лишь случайно; и очевидно, что если в наших руководителях будет достаточно честности, то организация труда легко устроится и разовьется без споров и затруднений; если же честности в них не окажется, то организация труда останется навсегда невозможной.

⁴ «Истинно дисциплинируют рабочего не его корпорации, а его заказчики. Опасение лишиться работы удерживает его от обмана и исправляет его неряшливость» (Богатство народов. Книга I, глава 10). *Примечание ко второму изданию.* Единственное примечание в этой книге, которое я считаю нужным сделать, состоит в том, что я желал бы попросить читателя-христианина самым серьезным образом подумать, до какого подлого состояния души человеческое существо должно прийти, чтобы, читая такие изречения, соглашаться с ними, а тем более, чтобы высказывать их. В противоположность им я приведу здесь основное торговое правило Венеции, найденное мною в главной ее церкви: «Вокруг этого храма да будет законом купца справедливость, да будут весы его верны, обязательства его чужды обмана». Если кто-либо из моих читателей найдет, что тон этого примечания слишком резок или неприличен, то я попрошу его со вниманием прочесть § 18 Сезама и Лилии и быть уверенным, что я в настоящее время не допускаю в своих писаниях ни одного слова, которое, по строгому обсуждению, не находил бы в данном случае наиболее пригодным. Венеция. Воскресенье, 18 марта 1877 г.

Различные условия возможности организации труда я подробно рассмотрю впоследствии. Но чтобы читатель при исследовании основных принципов не устрасался некоторых встречающихся в них указаний и не подумал, что ему неожиданно предлагается вступить на опасный путь, и для успокоения его я считаю нужным сразу изложить те крайние пределы политических верований, достижения которых я бы очень желал.

1. Во-первых. Я желаю, чтоб во всей стране организованы были общеобразовательные школы для юношества за счет государства⁵ и под его руководством: чтоб каждый ребенок, родившийся в Англии, мог по желанию родителей (а в известных случаях обязан под страхом наказания) пройти весь курс этих школ, где помимо других второстепенных знаний обязательно обучался бы следующим трем вещам наилуч-

⁵ Недальнозоркие люди, вероятно, спросят, на какие суммы будут содержать такие школы? Я впоследствии рассмотрю непосредственные источники доходов на этот предмет, теперь же замечу, что школы с избытком покроют производимые на них расходы. Одна экономия от уменьшения числа преступлений (этих чуть ли ни самых дорогих предметов роскоши на современном европейском рынке) под влиянием школ превысила бы в десять раз все расходы по народному образованию; экономия в труде была бы той чистой и громадной прибылью, которую в настоящее время трудно даже вычислить.

шим образом, выработанным в данное время:

- а) законам здоровья и необходимым для этого упражнениям,
- б) благородству и справедливости,
- в) своему призванию в жизни.

2. Во-вторых. Чтобы в связи с этими воспитательными школами устроены были – тоже под руководством государства – фабрики и лавки для производства и продажи товаров, необходимых для жизни и для занятия всеми полезными искусствами. Нимало не препятствуя частной инициативе и не облагая никакими стеснениями или налогами частные предприятия, предоставляя им свободно вести свои дела, как они сочтут за лучшее, и быть, если могут, во всех отношениях выше правительственных организаций, последние должны служить образцами производства и торговли неподдельными и хорошими товарами так, чтобы любой человек, предпочитая заплатить установленную цену, мог иметь уверенность, что получит образцовый хлеб, эль и настоящую работу.

3. В-третьих. Чтобы любой человек, безразлично мужчина, женщина, девушка или парень, оставшийся без работы, был обязательно принят на ближайшую государственную фабрику и обеспечен той работой, к которой он по надлежащему испытанию окажется наиболее пригодным, получая

определенную плату, установленную на целый год. Если человек оказывается неспособным к труду по незнанию, то он должен быть обучен какому-нибудь ремеслу; если по болезни, то ему должна быть предоставлена медицинская помощь; если же он просто отказывается от работы, то его следует строго принудить к самым мучительным и унижительным ее формам, преимущественно в рудниках и т. п. местах, где труд сопряжен с наибольшей опасностью (хотя эта опасность должна быть доведена до минимума путем тщательного регулирования и дисциплины). Причем за вычетом расходов по содержанию вся плата должна быть в распоряжении работника, как только он придет к более здравым понятиям относительно законов труда.

4. Наконец, все престарелые и неимущие должны пользоваться убежищем и известными удобствами, что было бы скорее почетно, чем позорно при господстве системы, которая не ставила бы клейма преступности на несчастье и неудачу, так как (я повторяю здесь высказанное мною в «Политической экономии искусства», к которой читатель и может обратиться за дальнейшими подробностями): «Земледелец служит стране своим плугом точно так же, как люди средних классов своими саблями, перьями, ланцетами. Если его услуга и плата в здоровом состоянии меньше, то и награда, когда здоровье надломлено, может быть меньше, но не должна быть менее почетной; и столь же естественно справедливо для земледельца получать пенсию от прихода, для которого

он честно работал, как и человеку высших классов получать пенсию от страны, которой он честно служил». К этому положению я, в завершение, прибавлю только, что по отношению к дисциплине и плате за жизнь и смерть, заключительные слова Тита Ливия о Валерии Публиколе «de publico est datus» не должны считаться бесчестной эпитафией.

7

Вот то, во что я верю, и что я, насколько мне позволяют силы, буду стараться выяснить и исследовать с различных сторон, рассматривая также и побочные вопросы. Здесь я только вскользь касаюсь их, чтобы успокоить читателя относительно значения их крайних выводов, прося его иметь в виду, что в науке, имеющей дело с такими тонкими элементами, как элементы человеческой природы, можно отвечать только за полную справедливость принципов, а не за непосредственный успех планов. И если спорно все, что в последних может быть достигнуто даже в ближайшем будущем, то тем более никто не может заранее сказать, что явится конечным их результатом.

Данмарк Хилль, 10 мая 1862 г.

Очерк I. Основы чести

Много обольщений в различные времена пленяло умы обширных масс, но из них едва ли не самым любопытным и во всяком случае наименее заслуживающим уважения является обольщение современной так называемой наукой о политической экономии, утверждающей, что наиболее целесообразные правила общественной деятельности могут быть определены независимо от влияния общественных чувств симпатии. Бесспорно, как в алхимии, астрологии, магии и других суевериях, имевших столь же широкое распространение, так и в основе политической экономии лежит обольстительная мысль. «Чувства симпатии – говорят политэкономы – случайны в человеческой природе и нарушают естественный ход человеческой деятельности, тогда как алчность и жажда успеха являются постоянными ее свойствами. Устраним же непостоянные элементы и будем рассматривать человека просто как орудие, движимое алчностью, и исследуем, путем каких законов труда, купли и продажи достигается наибольшее накопление богатств. Раз эти законы будут определены, каждый может впоследствии внести в какой ему угодно мере случайные чувства симпатии и определить для себя результаты новых предполагаемых условий».

Было бы логически оправдано и плодотворно, если бы мнимо случайные элементы, впоследствии вводимые в исследование, были по своей природе однородны с первоначально рассматриваемыми силами. Если тело находится в движении под влиянием постоянных и случайных сил, самый простой и обыкновенный способ исследования состоит в том, чтобы рассмотреть путь этого тела при исключительном действии постоянных сил, а затем и сил отклоняющих. Но изменяющиеся элементы в данной общественной задаче не однородны с постоянными и, изменяя самую сущность исследуемых сил, они производят не количественное, а качественное, не математическое, а химическое изменение, вследствие которого все предварительное исследование лишается своего значения.

Мы производили исследования с чистым азотом и убедились, что это такой газ, опыты с которым вполне безвредны; но вот пред нами тот же азот в соединении с хлором; и в ту минуту, когда в силу «твердо установленных принципов» мы прикасаемся к нему, происходит взрыв, и мы вместе с нашими приборами вылетаем в потолок.

Заметьте, что я отнюдь не отвергаю выводов этой науки и не сомневаюсь в их правильности, если принять ее посылки. Я просто не интересуюсь этими выводами, как не интересовался бы выводами науки о гимнастических упражнениях, если бы она исходила из предположения, что люди лишены скелета. При этом можно было бы доказать, что обучающихся крайне удобно скатывать в шарики, сплющивать в лепешку или вытягивать в длинные канаты и что, раз это будет сделано, можно ввести в расчет и скелет, сделав соответствующие изменения в полученных результатах. Все эти рассуждения могут быть замечательно логичны, выводы вполне правильны, но только вся эта наука окажется ни к чему неприложимой.

Современная экономическая наука как раз находится в таком же положении.

Признавая, что человек не лишен скелета, она исходит из обратного предположения, что он состоит исключительно из костей, и выводит соответствующую окостеневшую теорию прогресса из отрицания в человеке души. Показав, где предел того, что может быть получено из костей, и построив ряд геометрических фигур из черепов и плечевых костей, она успешно доказывает неудобство появления души. Повторяю, что я не отрицаю правильности выводов этой тео-

рии, а утверждаю, что она неприменима к человеку и обществу в их действительном виде.

4

Эта неприменимость самым очевидным образом проявилась при затруднениях, вызванных последними стачками английских рабочих. Здесь ясно представился один из самых простых частных случаев тех основных жизненных проблем, которые составляют предмет политической экономии (отношения между нанимателями и рабочими); и вот в таком серьезном деле, когда речь идет о жизни множества рабочих и о приостановке значительного производства, политэкономы оказываются бессильными и практически безгласными. Никакого наглядного разрешения этого затруднения, которое могло бы убедить или успокоить обе противоположные стороны, они дать не в силах. Предприниматели упорно держатся одного взгляда, а рабочие не менее настойчиво – противоположного, и никакая экономическая наука не может привести их к соглашению.

5

Да и странно было бы, если бы она имела эту возможность, так как не наукой люди приводятся к соглашению. Спорящие

по очереди тщетно стремятся доказать, что интересы хозяев враждебны или не враждебны интересам рабочих; и никто из них, по-видимому, не признает той простой истины, что не всегда между людьми неизбежно возникает вражда в силу противоположности их интересов. Если в доме только одна корка хлеба, и мать с детьми голодают, то их интересы не одинаковы. Если мать съест корку, дети будут лишены пищи; если съедят корку дети, матери придется голодной приниматься за работу. Но из этого отнюдь не следует, что они непременно будут бороться из-за корки, и что мать, как самая сильная, отобьет ее у детей и съест. Точно так же всегда и при всевозможных условиях нельзя с уверенностью утверждать, что люди неизбежно должны относиться друг к другу враждебно и употреблять насилие или хитрость для достижения преимуществ только потому, что их интересы различны.

6

Но если бы даже положение, что человек обладает теми же нравственными побуждениями, что крысы и свиньи, было столь же справедливым, сколь и удобным для дальнейших построений, то и тогда логические условия вопроса нельзя считать предрешенными.

Никогда нельзя заранее утверждать, одинаковы или противоположны интересы хозяина и рабочих, потому что,

смотря по обстоятельствам, они могут быть и теми, и другими. В действительности, как рабочие, так и предприниматели заинтересованы в том, чтобы работа была исполнена правильно и оплачивалась должным образом; но при распределении прибыли выгода одних может совпадать или не совпадать с интересами остальных. Совсем не в интересах хозяина выплачивать такую низкую плату, чтобы рабочие болели и терпели нужду, и не в интересах рабочих получать высокую плату, если прибыль хозяина так мала, что он не в состоянии ни расширять своего производства, ни вести его на прочных и либеральных началах. Кочегар не может желать высокой платы, если компания до того бедна, что не может ремонтировать колеса локомотива.

7

И разнообразие условий, влияющих на эти взаимные интересы, до того бесконечно, что делает совершенно напрасными все усилия выстроить правила поведения в зависимости от выгоды. Да они и должны быть таковыми, потому что мерилom всех человеческих поступков, как предназначено самим Создателем, служит не выгода, а справедливость; и в силу этого все усилия определить степень выгоды всегда бесплодны. Ни один человек никогда не знал и не может знать, каковы будут как для него, так и для других конечные результаты известного поступка или ряда поступков. Но каж-

дый человек может знать, и большинство знает, какой поступок справедлив и какой нет. И все мы точно так же можем знать, что последствия справедливости, в конце концов, будут наилучшими как для других, так и для нас, хотя и не можем заранее сказать, каково будет это наилучшее и как все это получится. Я сказал «мерилом служит справедливость», разумея, что в понятие о справедливости входит и та симпатия, которую человек должен питать к ближнему. Все правильные отношения между хозяином и работником и все высшие их интересы, в конце концов, зависят от этого.

8

Самым простым и наглядным примером отношений между хозяином и работниками может служить положение домашней прислуги. Предположим, что хозяин дома за ту плату, которую он дает, желает получить от своей прислуги только возможно большее количество работы. Он никогда не позволяет ей отдыхать, кормит и поселяет ее как нельзя хуже, и во всех отношениях доводит свои требования до тех крайних пределов, идя дальше которых, он лишился бы прислуги. Поступая так, он не нарушает справедливость в общепринятом значении этого слова. В силу договора все время и все силы прислуги принадлежат ему, и он ими пользуется. Границы и степень притеснения определяются практикой соседних хозяев, т. е. общепринятой нормой платы за

работу домашней прислуги. Если последняя может получить лучшее место, она свободна сделать это, и хозяин может требовать за существующую рыночную плату только то количество труда, на какое прислуга согласится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.